

УДК 902(47.25)
ББК 63.3+ 63.4
DOI 10.34680/Saurus-2024-3(3)-87-98

Е. В. Салмина, С. А. Салмин

ДВОР «ЛНЯНИКА»: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЬНООБРАБАТЫВАЮЩЕГО КОМПЛЕКСА XVI-XVII ВВ. В ПЕТРОВСКОМ КОНЦЕ ПСКОВА

Экспорт льна (как местного, так и привозного), ведшийся через Псков, на протяжении длительного периода являлся важным элементом внешней торговли Русского царства и Российской империи. Письменные источники (и, вслед за источниками, исследователи) сосредоточены в основном на торговых связях и операциях со льном, признавая их значительные объёмы и государственное значение этой торговли [Ангерманн, 2020, с. 8–17; Василев, 1872, с. 11–25; Кирпичников, 2003, с. 47; Колпаков, Михеев, 2019, с. 27, 30; Колпаков, Михеев, 2019а, с. 125–128]. При этом иностранные авторы сообщений XVI-XVII вв. нередко преувеличивают масштабы «неисчерпаемых» псковских ресурсов [Хорошкевич, 2003, с. 35–36].

Информация об истории льноводства и льнопереработки весьма скудно отражена в письменных источниках и носит, скорее, косвенный характер. Неоднозначность сведений источников приводила порой к не вполне обоснованным реконструкциям. Так, «льняную грамоту» из сообщения Псковской 3-й летописи под 1471 г. об уничтожении псковичами этого документа [ПСРЛ, 2000, с. 186]¹, И. Д. Беляев трактует как «закон по торговле льном» [Беляев, 2016, с. 57], И. Ларионов [Ларионов, 1951, с. 17–18] полагает, что в этой грамоте были зафиксированы «условия льняной повинности для населения», выработанные «в 1467 году в Пскове на вече». Е. Болховитинов же считает, что под «льняной» имелась в виду «ленная грамота»), и летопись здесь характеризует конфликт совершенно иного рода [Болховитинов, 2009, с. 354].

В псковской писцовой книге 355 (1584/85-1586/87 (7093-7095) гг.) четырежды упоминается род занятий «лняник» [Сб. МАМЮ, 1913, с. 41, 43, 46]. Однако псковский областной словарь позволяет интерпретировать этот термин двояко: «лняник» – это тот, «кто или обрабатывает или продает лен» [ПОС, 2005, с. 260].

Недостаточность и неоднозначность информации письменных источников в некотором роде может быть скомпенсирована археологическими материалами. Археологические сведения, позволяющие получить некоторое представление о городской льнообработке, в настоящее время введены в научный оборот в небольшой

¹ «А во Пскове посадник псковскыи Офанасей Юрьевич и бояре псковскыи и соцкыи и соудьи тогды же и льняною грамотоу подраша, вынемше из ларя; и бысть всем христианом радость велие, с 8 бо год она была в лари, да много христианом истомы и оубытков в тоя времяно было».

степени². В предлагаемой публикации мы представляем данные, полученные при исследовании одной из усадеб Петровского конца древнего Пскова³.

Городская усадьба (двор), занятия жителей которой включали в себя льнообработку, зафиксирована в составе застройки XVI-XVIII вв., исследовавшейся при охранных археологических раскопках в Пскове в 2008-2011 гг. Данный участок находился в центральной части комплекса Петровских раскопов близ Петровских и Михайловских ворот в восточной части Окольного города Пскова, входил в зону периферии псковского Нового Торга.

Длительное время эта территория не входила в состав Пскова. Древнейшие свидетельства селитебной активности здесь относятся к периоду, предшествовавшему включению исследованного участка в городскую территорию. На начальном этапе (XII-XIV вв.) здесь бытовало внегородское поселение, известное и по соседним раскопам [Степанов, Яковлева, 1992, с. 127–129; Степанов, Яковлева, 1994, с. 102–108; Яковлева, 1996, с. 128–129]; функционировал некрополь, не известный по письменным источникам и не относящийся ни к одной из расположенных поблизости известных нам церквей [Харлашов, 2003, с. 5–10].

Систематическое освоение этого района началось в конце XIV – начале XV в., и активизировалось после строительства крепостной стены в 1465 г. [ПСРЛ, 2000, с. 161]. Культурный слой первоначально накапливался здесь медленно – в результате пассивной эксплуатации территории неудобной для жилья окраины. По раскопкам в центральной и северной части комплекса раскопов известна трасса русла ручья («оврага»). Медленный темп освоения данного участка Окольного города Пскова в дальнейшем во многом был обусловлен этой природной особенностью.

Основной толчок к плотному освоению нового пространства дало последовавшее за присоединением Пскова к Московскому государству массовое выселение псковичей с территории Среднего города⁴ и возникновение в непосредственной близости к рассматриваемой территории псковского Нового Торга, ставшего сосредоточием экономической (а во многом и политической) жизни Пскова.

В начале XVI века здесь уплотняется жилая застройка, возникает и развивается сеть дворовых границ, зафиксированных при раскопках в виде частоколов и частокольных траншеек. Именно отсюда происходят две наиболее ранние дендрохронологические даты на всём участке Петровских раскопов — два столба, датированных 1565 г.⁵.

² К сожалению, многие из таких объектов не доходят от научных отчётов до научных публикаций – даже в тех случаях, когда интерпретация не вызывает сомнений (например, яма для вымачивания льна на раскопе Васильевский 2 на ул. Советская, зафиксированная в 1996 г.).

³ Эта часть Пскова исследовалась в рамках проектов РГНФ 2008-2009 № 08-01-00376а «Петровский конец Пскова по данным археологии и письменных источников» и 2014-2015 № 14-11-60005 «Новый Торг Пскова 16-18 веков по данным археологии и письменных источников».

⁴ Согласно псковским источникам, переселены были до 6500 дворов [ПСРЛ, 2003, с. 97], однако число это представляется маловероятным, учитывая, что на место «сведённых» и переселённых псковичей прибыли только 300 семей московских «гостей». Остальные летописи указывают число в 6500 дворов для всей территории псковского «Застенья» [ПСРЛ, 2000, с. 258].

⁵ Автор дендрохронологических определений здесь и далее – М. И. Кулакова.

Сохранились также остатки наземных деревянных построек этого времени. К данному периоду относится строительство храма Иоанна Милостивого (не позднее 1561 г.) [Харлашов, 2009, с. 187] которое, безусловно, оказало серьёзное влияние на сложение планировки. Системообразующую роль в сложении ориентации строений сыграли и склон возвышенности, на котором стоит церковь, и местоположение водоносного «оврага».

Формируется единая ориентация для всего комплекса построек и границ усадеб, она остаётся неизменной и в последующие периоды, когда застройка на исследованной территории становится более плотной и структурированной. Можно предполагать, что застройка этой части города уже была ориентирована на Петровскую улицу, известную по письменным источникам с 1521 г. [ПСРЛ, 2000, с. 292], а также на известную по плану 1740 г. улицу, проходившую от ц. Иоанна Милостивого к ц. Григория Богослова, интерпретированную И. О. Колосовой как Григорьевский переулок⁶.

Следующий этап застройки, выделенный на Петровских раскопах, возникает вскоре после городского пожара 1589/1590 г. Затем развитие последовательно продолжается почти на протяжении столетия до разрушительного пожара 1682 г. Именно на протяжении этого длительного периода здесь действует льнообрабатывающий производственный комплекс. Археологические исследования показали, что на протяжении XVII в. на исследованном участке появляются, помимо жилых и хозяйственных строений, элементы благоустройства, гидротехнические сооружения, вокруг ц. Иоанна Милостивого возникает деревянное замощение. Исследованная раскопками территория разделяется не менее чем на восемь автономных участков (усадеб, дворов?), причём во второй половине XVII в. ряд хозяйств претерпевает своеобразную локальную перепланировку [Салмина, 2011, с. 258–259; Салмина и др. 2009, с. 249–259].

Усадьба (двор⁷), на территории которой располагаются производственные сооружения, связанные с обработкой волокнистых растений, возникает почти сразу после пожара 1589-1590 гг. Интервал возведения построек, согласно дендрохронологическим датам, приходится на 2-ю четв. – сер. XVII в. Размеры этого двора на первоначальном этапе – до 28,2 на 20 м. Южная сторона двора примыкает к замощению у ц. Иоанна Милостивого, с западной стороны двор ограничен водоносным «оврагом». Отметим, что буквально напротив этого двора (через Петровскую улицу) локализуется Льяной гостиный двор⁸.

⁶ Авторы сердечно благодарят Ирину Олеговну Колосову за возможность ознакомиться с рабочими неопубликованными материалами «Энциклопедии улиц Пскова XVIII в.».

⁷ Двор // горизонтов 46-I и 46-II (центральная часть комплекса раскопов: Петровские VIII и IX раскопы): по Салмина Е.В. Этапы освоения, хозяйственного использования и застройки территории Петровских I – X раскопов по данным археологических раскопок. Приложение II к Отчету по проекту РГНФ № 08-01-00376а «Петровский конец Пскова по данным археологии и письменных источников». *Рукопись, авторская копия.*

⁸ Псковская писцовая книга 355 (1584/85-1586/87 (7093-7095) гг.) содержит описание Льяного гостиного двора в составе псковского Нового Торга: «...на дворе хором: 2 избы, одна четырех сажен, а другая полутретьи сажени, меж их сени в замете, а на дворе 81 анбар... На дворе же конюшня в длину 19 сажен, а поперег 5 сажен. А около того двора городбы нет, потому стоят в городбы место те же анбары и избы и конюшни, а на двор двои ворота покрыты. А ставили тот двор денгами из государевы казны... Двору длина 46 сажен, а поперег 28 сажен...» [Сб. МАМЮ, 1913, с. 15].

Две жилые постройки характеризуемой усадьбы сохранились только фрагментами, однако нельзя не отметить хорошее качество древесины, позволившее получить серию дендродат: 1632, 1635 и два образца 1649-50 гг. Размеры срубных построек в плане – около 4,35 x 4,25 м и 4,4 x 4,55 м. Диаметр брёвен – от 0,22 до 0,27 м. Один из срубов рублен «в чашу», второй «в обло» с выпуском брёвен за пределы постройки на 0,22-0,3 м. Зафиксированы основания пяти столбов, точно в линию продолжающих трассу стены одного из срубов: скорее всего, это остатки надворной крытой конструкции.

Немалую часть построек этого периода уверенно интерпретировать как жилую не приходится. Сомневаться заставляют плохое качество дерева, тонкие бревна, отсутствие подгонки и конопачения швов, отсутствие регулярных отопительных сооружений. Присутствует большое количество дерева во вторичном использовании, обломки различных строительных деталей. В большинстве случаев благоустройство постройки включает в себя приподнятый пол – без этого невозможно было обойтись в условиях повышенного уровня грунтовых вод. Характерным приёмом дренирования участков в условиях повышенной влажности являются вкопанные в грунт бочки без дна – водосборники. Присутствуют также своеобразные вымостки, «помосты» и пр. Существенная часть дворов занята остатками дощатых или бревенчатых настилов на парных лагах-лежнях. Некоторые из удлинённых нешироких вымосток можно интерпретировать как гати в местах проходов на территории усадеб или между ними. Нередко междворовые участки «замощены» обрезками и обрубками дерева, обгоревшими, плохой сохранности. В такие скопления входят также куски берёзовой и ивовой коры, небольшие известняковые плитки, присутствует большое количество щепы и обломков сосновой коры, прутья (найден своеобразный «моток» ивовых прутьев).

В контурах данного двора (огороженного частоколом) выделены обрамленные частокольными канавками меньшие участки, на которых не зафиксировано никаких жилых конструкций. В этих «отгороженных зонах» присутствовали своеобразные ямы (Рис. 1), заполненные до дна слоями льняной кострики, перемежающимися тонкими прослойками гумусированного песка. Размеры самой большой из этих ям в плане – около 700 x 200 см. В верхней части эта яма заполнена серо-зеленоватым песком с включениями тёмно-коричневого грунта, толщина этого слоя 0,22 – 0,3 м. Далее до дна ямы идёт сплошной слой льняной кострики (толщина до 0,6 м), лежащий на «выстилке» из тонких брёвен (жердей), неокорённых веток. Жерди уложены в один-два ряда, укреплены небольшими колышками, вбитыми перпендикулярно наклонным стенкам траншеи. Здесь же обнаружено большое количество скорлупы орехов-лещины, веточек вереска. Стенки ямы немного пологие, дно плоское. При расчистке стен ямы зафиксированы прослойки органики (толщина от 0,02 до 0,06 м), которые позволяют предполагать, что стены были выложены дёрном. Отрезок второй подобной ямы с кострикой был раскрыт немного севернее, у западной стены раскопа, продолжался за его пределами.

Рис. 1. Ямы для замачивания льна на Петровских раскопах в Пскове.

Рядом (на расстоянии 2 - 2,2 м) была исследована наземная жердевая конструкция для «обтекания» льняной массы (тресты), извлечённой из мочильной ямы. Конструкция составлена из уложенных в два-три ряда брёвнышек (жердей) диаметром от 0,05 до 0,13 м, в конструкции участвуют также колышки диаметром от 0,07 до 0,1 м, вбитые между жердями (главным образом, у торцов), а также у внешней стороны. Общая длина конструкции составляет 6,8 м, ширина до 0,3 м.

Здесь же было зафиксировано своеобразное «заграждение» из воткнутых комлями в склон небольших ёлочек – возможно, для защиты основной территории двора от засорения всплывающей льняной трестой. Пятна и прослойки кострики,

нередко перемешанной со мхом и остатками дёрна, распространены на площади характеризуемого блока раскопов достаточно широко.

Подчеркнём, что на характеризуемом дворе наличествуют нужные природные условия и зафиксированы при раскопках остатки большинства сооружений, перечисленных И.И. Василёвым в описании процесса «мочки, сушки и трепанья» льна [Василев, 1872, с. 71–75]: водоносный «овраг» и собственно ямы, наполняемые грунтовыми водами, развалы камней, коры и сучьев, которыми придавливают лён в ямах, решётка для отбрасывания и обтекания мокрого льна (тресты), установленный на столбах навес для первичного обсушивания «полуфабриката» и даже сани для околачивания льняных головок [Салмина, Салмин, 2011, с. 17–25]. Отметим также значительное присутствие находок орудий для обработки волокнистых растений в вещевой коллекции этого участка: трепала (трепальные ножи), чесала, мялки, вальки (Рис. 2). Большая часть находок хорошо известна и имеет широчайшие аналогии на средневековых памятниках древней Руси и Восточной Европы [Колчин, 1985, с. 265–269, 292–293].

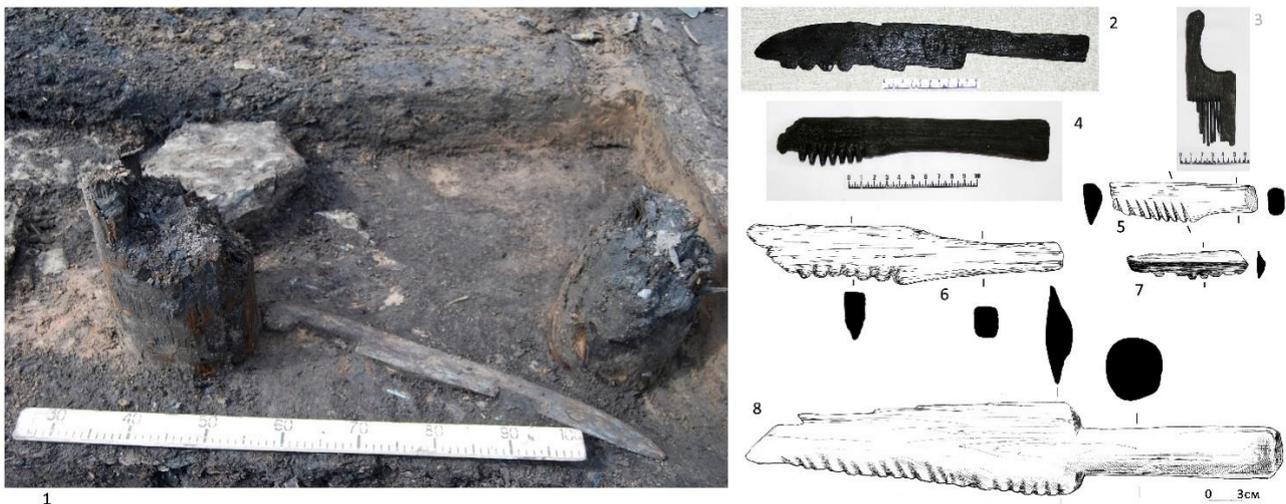

Рис. 2. Деревянный инвентарь, связанный с обработкой льна, из коллекции Петровских раскопов: 1 – льнотрепальный нож на территории двора in situ; 2, 4–8 – чесала; 3 – гребень для шерсти и волокон льна.

Писцовая книга 1584/85–1586/87 гг. свидетельствует о размещении в Петровском конце объектов такого рода: «за Михайловскими воротами на островку на Пскове реки ... трепални»; «и всего... 6 трепален» [Сб. МАМЮ, 1913, с. 68, 70]. Для XVIII в. льняные «трепли» в Пскове обозначены на дворовом участке, приобретаемом купцом Митрофановым на относительно близлежащей к рассматриваемому участку Батановой улице⁹.

Помимо обработки волокнистых растений, в этом же хозяйстве велась и древообработка. Местный мастер (или мастера) изготавливал точёную посуду, инструменты для обработки льна (чесала, льнотрепальные ножи), детали ткацких станков, веретёна, делал деревянные оправы зеркал [Фисенко и др., 2012, с. 240–249,

⁹ РГАДА, оп. 1, кн. 8924, лл. 45–46 об.

игрушки. О факте непосредственного производства деревянных изделий на месте свидетельствуют находки деревообрабатывающих инструментов, заготовок изделий, брака и отходов. В какой мере продукция изготавливалась для внутренних нужд, а в какой – на продажу, установить достаточно сложно, но находки точёной деревянной посуды говорят о довольно высоком уровне мастерства изготовителя.

В середине XVII в. на данной территории по археологическим данным наблюдается явный «всплеск» строительной активности, по дендродатам приходящийся на 1660-е – 1680-е годы. Обновляется и расширяется замощение у храма Иоанна Милостивого, прослежены случаи слияния участков, несколько изменяются границы рассматриваемого двора (немного уменьшается и смещается к северу). Новые усадебные границы на этом уровне читаются хорошо. Частокоты этого строительного горизонта достаточно заметно отличаются от частокотов предыдущего этапа особенностями своего устройства. В этих линиях помимо собственно заострённых кольев, вбитых вертикально, присутствуют горизонтальные укрепляющие конструкции – жерди или даже бревна, уложенные параллельно линии кольев на небольшом расстоянии от них. Продольные конструкции, в свою очередь, укреплены тонкими колышками, вбитыми под углом.

На территории рассматриваемого двора возводятся новые постройки, в частности, жилище, сформированное двумя близко расположенными срубами (один – с отопительным сооружением), с крытым проходом между ними [Салмина, 2011, с. 258–259; Салмина и др., 2009, с. 254, 259]. «Тёплый» сруб рублен «в обло», выпуск брёвен за углы сруба 0,04-0,12 м, размер около 3,2 x 4,1 м, установлен на подклет. Прекрасная сохранность древесины позволила получить серию дендродат: 1662, 1685 (2 образца), 1684-85 (2 образца). Возле западного угла сруба в стене подклета в паз вставлен водоотводный долблёный дренажный жёлоб. Сохранились остатки дощатого настила пола, а также остатки основания печи, возможно, изразцовой (в составе развала конструкции – фрагменты изразцов и киотов, осколки печного кирпича и румпы строительной керамики). Вплотную к стене сруба сложено крыльцо из двух рядов известняковых плиток на глине, по периметру крыльца сохранились ограничивающие доски на ребре. На характеризуемом дворе в северо-восточной части устроен также срубный колодец.

Помимо изменения границ участков и смены строительных технологий, ещё одно явление свидетельствует о переменах в жизни характеризуемой части города: в последней четверти XVII века прекращаются захоронения в «усыпальнице» у церкви Иоанна Милостивого, хотя существование действующего кладбища, безусловно, продолжается¹⁰.

Сознавая всю условность интерпретаций такого рода, мы предлагаем связывать данную перепланировку (возможно, сопровождаемую сменой хозяев участков) с событиями, последовавшими за Псковским восстанием 1650 года, когда многие участники были высланы из Пскова и отправлены в дальнюю ссылку [Тихомиров, 1969, с. 23–238; 352-396]. О подобных гражданских неурядицах косвенно

¹⁰ По Пежемский Д.В. Погребения в ц. Иоанна Милостивого. Приложение VII к Отчету по проекту РГНФ № 08-01-00376а «Петровский конец Пскова по данным археологии и письменных источников». *Рукопись, авторская копия.*

сообщает и одна из интереснейших находок этих раскопов – кавалерийская пицаль, «сокрытая» в составе гати, отделяющей «овраг» от двора «льняников» [Салмин, 2011, с. 271–274].

Окончательный финал существования этого многосоставного жилого комплекса – общегородской пожар 1689/90 г., уничтоживший и Новый Торг, и окружавшие его усадьбы.

Несмотря на социальные потрясения (и, скорее всего, смену владельцев), традиция, связанная с льнообработкой и изготовлением деревянных изделий на этом дворе сохранялась около столетия. Подобная преемственность должна была определяться как высокой рентабельностью и окупаемостью вложений сил и средств в обработку льна – несмотря на сопутствующие риски (изменение цены, неудачные погодные условия, блокировка традиционных торговых маршрутов и т.п.). Открытым остаётся вопрос: занимались ли владельцы рассмотренной усадьбы и льноводством (или скупкой сырья), или же они брали в обработку лён, доставляемый на Льняной двор в том числе и казёнными скупщиками. Действия по установлению государственного контроля над продажами льна подчёркивают важность этого товара не только как предмета экспорта, но и как важного стратегического сырья, импортируемого «потенциальным противником».

До настоящего времени городские дворы Пскова, связанные с льнообработкой, не становились предметами специального исследования. Введение в оборот комплексной информации об одном из таких участков позволяет расширить источниковую базу по истории этой отрасли. Выделение маркерных материальных остатков, характерных для территорий, на которых производилась обработка волокнистых растений (ямы-мочила или ямы-сборники кострики, сушила, приспособления для околачивания волокнистых растений, трепала и т.д.) на территориях городских объектов, датировки которых обладают относительно точной хронологической приуроченностью, позволяют проследить развитие производственной традиции обработки льна в её динамике.

Список сокращений

АИПЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли
 АИП — Археологическое изучение Пскова
 МГУП — Московский государственный университет печати
 МАМЮ — Московский архив Министерства Юстиции
 НиНЗИА — Новгород и Новгородская земля История и археология
 ПОС — Псковский областной словарь
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

Информация о статье

Автор: Салмина Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, заведующая отделом; Археологический центр Псковской области, Псков, Россия; ORCID 0000-0001-9339-793X; e-mail: muntrik102@yandex.ru

Салмин Сергей Анатольевич – научный сотрудник; Археологический центр Псковской области; Псков, Россия; ORCID: 0000-0002-2985-4996; e-mail: solvarg@yandex.ru

Заголовок: Двор «льняника»: археологическое исследование льнообрабатывающего комплекса XVI–XVII вв. в Петровском конце Пскова

Аннотация: Экспорт льна, ведшийся через Псков и Ливонию на рынки Западной Европы, являлся важным фактором межгосударственных отношений в период позднего Средневековья и Нового времени. Несмотря на сложную политическую картину в псковско-ливонском пограничье, торговля этим товаром никогда не прерывалась надолго. История торговых маршрутов и объёмы продаж этого товара достаточно хорошо исследованы. Меньшее внимание уделялось собственно истории обработки льняного сырья, не получившей достаточного отражения в источниках этого периода. Отсутствие информации письменных источников в некотором роде компенсируется археологическими материалами. При археологических раскопках в Пскове исследован городской двор XVI–XVII вв., включавший в себя комплекс сооружений для обработки льна (мочильные ямы с массивами льняной кострики, конструкции для обтекания льняной массы, навесы для первичной сушки). Деятельность хозяев двора оставалась связанной с обработкой льна более столетия – при том, что двор, возможно, перешёл из рук в руки после Псковского восстания 1650 г. Такое постоянство определялось высокой рентабельностью льнообрабатывающего дела – несмотря на риск изменения цены, неудачных погодных условий, блокировки традиционных торговых маршрутов и т.п. Расположение данного участка в непосредственном соседстве с псковским Льняным двором позволяет предположить, что владельцы усадеб могли как поставлять товарный лён, так и обрабатывать льняное сырьё, доставляемое на Льняной гостиный двор.

Ключевые слова: Псков, лён, льнообработка, торговля, Льняной гостиный двор, «льняник»

Библиографический список

- Ангерманн Н. (2020). Русские купцы в Ливонии в XVII веке. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2 (28). Июль–Декабрь*. С. 3–23.
- Беляев И. Д. (2016). История Пскова и Псковской земли. М., «ВЕЧЕ». 352 с.
- Болховитинов Е. (Митрополит Евгений) (2009). История Княжества Псковского. Псков, «Псковская областная типография». 416 с.
- Василев И. И. (1872). Лен и Псковская губерния (с таблицей движения цен на лен и картой льняной промышленности Псковской губернии). Псков. Издание Псковского Губернского Статистического Комитета. Напечатано в Типографии Губернского Правления. 223 с., ил.
- Кирпичников А. Н. (2003). Псков в преддверии нового времени и сообщения иностранцев об этом городе. *Псков в российской и европейской истории: международная научная конференция: в 2-х т.* М.: МГУП, 2003. Т. 1. С. 39–58.
- Колпаков М. Ю., Михеев Д. В. (2019). Экономика Псковской земли в описаниях английских и французских авторов раннего Нового времени. *Грамота. Том 12. Выпуск 2*. Тамбов. С. 27–31.
- Колпаков М. Ю., Михеев Д. В. (2019а). Торговые связи Псковской земли в описаниях английских и французских авторов раннего Нового времени. *АИППЗ. Материалы 61 заседания. Выпуск 31*. С. 123–130.
- Колчин Б. А. (1985). Ремесло. *Древняя Русь. Город. Замок. Село. Археология СССР. Т.15*. М.: Наука. 432 с.
- Ларионов И., Сланин А. (1951). Псковская земля – древний льноводный край. Псков, Псковский областной краеведческий музей. Псковское газетно-книжное издательство. 38 с.
- ПСРЛ, 2000 – Полное собрание русских летописей. Том V. Вып. 2. Псковские летописи. М., «Языки русской культуры». 366 с.
- ПСРЛ, 2003 – Полное собрание русских летописей. Том V. Вып. 1. Псковские летописи. М., «Языки славянской культуры». 256 с.
- Салмин С. А. (2011). находка кавалерийской пищали на Петровском IX раскопе в Пскове. *Позднесредневековый город III: археология и история. Материалы III Всероссийского семинара*. Тула. С. 271–274.
- Салмина Е. В. (2011). Дворы Пскова XVI–XVIII вв. по материалам Петровских раскопов: размеры, планировка, застройка. *Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Том II. Санкт-Петербург-Москва-Великий Новгород*. С. 258–259.

- Салмина Е. В., Закурина Т. Ю., Степанов С. В., Харлашов Б. Н. (2009). Опыт выделения этапов застройки периода позднего средневековья – раннего Нового времени (в рамках проекта «Петровский конец средневекового Пскова»). *НиНЗИА. Вып. 23*. Великий Новгород. С. 243–261.
- Салмина Е. В., Салмин С. А. Сани XVII в. из Петровского XI раскопа (предварительная публикация) *АИППЗ. Материалы 57 заседания*. Псков. С. 17–25.
- Сб. МАМЮ (1913). – *Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5: Кн. 1*. М. Печатня А. Снегиревой. 520 с.
- Степанов С. В., Яковлева Е. А. (1992). Никольский раскоп. *АИППЗ 1991. Материалы симпозиума*. Псков. С. 126–129.
- Степанов С. В., Яковлева Е. А. (1994). Раскопки на ул. Некрасова (Никольский раскоп). *АИП. Вып. 2*. Псков. С. 97–109.
- Тихомиров М. Н. (1969). Псковское восстание 1650 г. Классовая борьба в России. М. 446 с.
- Фисенко А. В., Закурина Т. Ю., Салмина Е. В., Яковлев А. В. (2012). Деревянные оправы зеркал из раскопок в Окольном городе Пскова. *НиНЗИА. Материалы научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности. Вып. 26*. Великий Новгород. С. 240–249.
- Харлашов Б. Н. (2003). Петровский-4 раскоп. *АИППЗ. Материалы научных семинаров за 2001\2002 гг.* Псков. С. 5–18.
- Харлашов Б. Н. (2009). Археологические раскопки церкви Иоанна Милостивого в Пскове. *АИППЗ. Материалы 54 заседания*. Псков. С. 187–197.
- Хорошкевич А. Л. (2023). Псков как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой в Средние века и начале Нового времени. *Псков в российской и европейской истории: международная научная конференция: в 2-х т.* М.: МГУП, 2003. Т. 1. С. 33–39.
- Яковлева Е. А. (1996). Исследования на II Благовещенском раскопе в г. Пскове. *АИППЗ 1995. Материалы семинара*. Псков. С. 128–129.

Information about the article

Author: Elena V. Salmina – Candidate of Historical Sciences, Head of the department; Archaeological Centre of Pskov region; Pskov, Russia; ORCID 0000-0001-9339-793X; e-mail: muntrik102@yandex.ru

Sergey A. Salmin – researcher; Archaeological Centre of Pskov region; Pskov, Russia; ORCID: 0000-0002-2985-4996; e-mail: solvarg@yandex.ru

Title: The Estate of the “Lnyanik” (Flax Handler): Archaeological Research of the Flax Processing Complex of the 16th-17th Centuries in the Petrovsky End of Pskov

Abstract: Flax export through Pskov and Livonia to the markets of Western Europe, was an important factor of cross state relations during the late Middle Ages and the New Age. Despite complicated political situation in the Pskov-Livonian borderland, trade in flax had never been interrupted for a long time. The history of trade routes and sales volumes of this commodity are rather thoroughly researched. Less attention is paid to the actual processing of linen raw material during this period, which is not sufficiently reflected in the sources. The absence of written sources is to some extent compensated by archaeological materials. During archaeological excavations in Pskov, a city estate of the 16th-17th centuries, which included a complex of structures for flax processing (soaking pits with masses of flax bark, structures for flowing the flax mass, sheds for primary drying) was investigated. The activities of the estate owners remained connected with flax processing for more than a century – while the estate may have changed owners after the Pskov Uprising of 1650. This duration was determined by high profitability of the flax processing business – despite the risk of price changes, bad weather conditions, blockage of traditional trade routes, etc. The location of this site in the immediate vicinity of the Pskov Flax Dvor (Yard) suggests that the owners of the estates could both supply marketable flax and process flax raw material delivered to the Flax Gostiny Dvor (Market Yard).

Keywords: Pskov, flax, flax processing, trade, Flax Gostiny Dvor (Market Yard), “Lnyanik” (Flax Handler)

References

- Angermann N. (2020). Russkie kupcy v Livonii v XVII veke [Russian merchants in Livonia in the 17th century]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. No. 2 (28). July-December. P. 3–23. (In Russian).
- Belyaev I. D. (2016). Istoriya Pskova i Pskovskoj zemli [History of Pskov and the Pskov Land]. Moscow: Veche Publ. 352 p. (In Russian).
- Bolhovitinov E. (Mitropolit Evgenij) (2009). Istoriya Knyazhestva Pskovskogo [History of the Principality of Pskov]. Pskov: Pskovskaya oblastnaya tipografiya. 416 p. (In Russian).

- Vasilev I. I. (1872). Len i Pskovskaya guberniya (s tabliceyu dvizheniya cen na len i kartoyu l'nyanoj promyshlennosti Pskovskoj gubernii) [Flax and Pskov Province (with a table of price movements for flax and a map of the flax industry of Pskov Province)]. Pskov. Izdanie Pskovskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta. Tipografiya Gubernskogo Pravleniya. 223 p., ill. (In Russian).
- Kirpichnikov A. N. (2003). Pskov v preddverii novogo vremeni i soobshcheniya inostrancev ob etom gorode [Pskov on the threshold of the Modern Time and notices of foreigners about this city]. *Pskov in Russian and European History: International Scientific Conference* in 2 vols. Moscow: Moscow State University of Printing Arts. Vol. 1. P. 39–58. (In Russian).
- Kolpakov M.Yu., Miheev D.V. (2019). Ekonomika Pskovskoj zemli v opisaniyah anglijskih i francuzskih avtorov rannego Novogo vremeni [The economic of the Pskov land in the narratives of English and French authors of the early Modern Time]. *Gramota*. Vol. 12. Issue 2. Tambov. P. 27–31. (In Russian).
- Kolpakov M. Yu., Miheev D. V. (2019a). Torgovye svyazi Pskovskoj zemli v opisaniyah anglijskih i francuzskih avtorov rannego Novogo vremeni [Trade relations of the Pskov land in the descriptions of English and French authors of the early Modern Time]. *Archaeology and History of Pskov and Pskov Land. Materials of 61st meetings*. Issue 31. P. 123–130. (In Russian).
- Kolchin B. A. (1985). Remeslo [Craft]. *Drevnyaya Rus'. Gorod. Zamok. Selo [Ancient Russia. City. Castle. Village]. Archaeology of the USSR*. Vol. 15. Ed. B.A. Kolchin. Moscow: Nauka. 432 p. (In Russian).
- Larionov I., Slanin A. (1951). Pskovskaya zemlya – drevniy l'novodnyy kray [Pskov land – ancient flax-producing land]. Pskov Regional Museum. Pskovskoe gazetno-knizhnoe izdatelstvo. 38 p. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkih letopisej [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. V. Issue 2. *Pskovskie letopisi [Pskov annals]*. Moscow: Languages of Russian Culture. 366 p. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkih letopisej [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. V. Issue 1. *Pskovskie letopisi [Pskov annals]*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 256 p. (In Russian).
- Salmin S. A. (2011). Nakhodka kavaleriyskoy pishchali na Petrovskom IX raskope v Pskove [Finding of a cavalry harquebus at the Petrovskiy 9 excavation in Pskov]. *Late Medieval Town 3: Archaeology and History. Proceedings of the 3rd All-Russian Seminar*. Tula. P. 271–274. (In Russian).
- Salmina E. V. (2011). Dvory Pskova XVI-XVIII vv. po materialam Petrovskih raskopov: razmery, planirovka, zastroyka [Household yards of Pskov 16-18th cc. on the materials of Petrovsky excavations: size, layout, building]. *Proceedings of the 3rd (19) All-Russian Archaeological Congress. Veliky Novgorod - Staraya Russa*. Volume II. St. Petersburg-Moscow-Veliky Novgorod. P. 258–259. (In Russian).
- Salmina E. V., Zakurina T.Yu., Stepanov S.V., Kharlashov B.N. (2009). Opyt vydeleniya etapov zastroyki perioda pozdnego srednevekov'ya – rannego Novogo vremeni (v ramkakh proyekta «Petrovskiy konets srednevekovogo Pskova») [The experience of distinguishing the stages of the late medieval – early Modern Time (within the framework of the project “Petrovskiy end of medieval Pskov”).] *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology]*. Issue 23. Veliky Novgorod. P. 243–261. (In Russian).
- Salmina E. V., Salmin S. A. Sani XVII v. iz Petrovskogo XI raskopa (predvaritel'naya publikaciya) [Sledges of the 17th century from the Petrovskiy 11 excavation (preliminary publication)]. *Archaeology and History of Pskov and Pskov Land. Materials of the 57th session*. Pskov. P. 17–25. (In Russian).
- Sbornik Moskovskogo arhiva Ministerstva yusticii [Collection of the Moscow Archive of the Ministry of Justice]. Vol. 5: Book 1. Moscow. Pechatnya A. Snegirevoy. 520 p. (In Russian).
- Stepanov S. V., Yakovleva E. A. (1992). Nikol'skiy raskop [Nikolskiy excavation]. *Archaeology and History of Pskov and Pskov Land. Proceedings of the symposium*. Pskov. P. 126–129. (In Russian).
- Stepanov S. V., Yakovleva E. A. (1994). Raskopki na ul. Nekrasova (Nicol'skiy raskop) [Excavations at Nekrasova St. (Nikolskiy excavation)]. *Arheologicheskoe izuchenie Pskova [Archaeological study of Pskov]*. Issue 2. Pskov. P. 97–109. (In Russian).
- Tikhomirov M. N. (1969). Pskovskoe vosstanie 1650 g. [The Pskov Uprising of 1650]. *Klassovaya bor'ba v Rossii [Class struggle in Russia]*. Moscow. 446 p. (In Russian).
- Fisenko A. V., Zakurina T. Yu., Salmina E. V., Yakovlev A. V. (2012). Derevyannye opravy zerkal iz raskopok v Okol'nom gorode Pskova [Wooden frames of mirrors from excavations in the Okolnyy city of Pskov]. *Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology*. Issue 26. Veliky Novgorod. P. 240–249. (In Russian).
- Kharlashov B. N. (2003). Petrovskiy-4 raskop [Petrovskiy-4 excavation]. *Archaeology and History of Pskov and Pskov Land. Materials of scientific seminars for 2001/2002*. Pskov. P. 5–18. (In Russian).
- Kharlashov B. N. (2009). Arkheologicheskiye raskopki tserkvi Ioanna Milostivogo v Pskove [Archaeological excavations of the Church of St. John the Grace in Pskov]. *Archaeology and History of Pskov and Pskov Land*. Materials of the 54th meeting. Pskov. P. 187–197. (In Russian).

- Horoshkevich A. L. (2023). Pskov kak posrednik mezhdru Zapadnoy, Severnoy i Vostochnoy Yevropoy v Sredniye veka i nachale Novogo vremeni [Pskov as a mediator between Western, Northern and Eastern Europe in the Middle Ages and the beginning of the Modern Time]. *Pskov in Russian and European History: International Scientific Conference* in 2 vols. Moscow: Moscow State University of Printing Arts. Vol. 1. P. 33–39. (In Russian).
- Yakovleva E. A. (1996). Issledovaniya na II Blagoveshchenskom raskope v g.Pskove. [Studies at the II Blagoveshchenskiy excavation in Pskov]. *Archaeology and History of Pskov and Pskov Land 1995. Materials of the seminar*. Pskov. P. 128–129.

Для цитирования статьи:

Салмина Е. В., Салмин С. А. Двор «льняника»: археологические исследование льнообработывающего комплекса XVI-XVII вв. в Петровском конце Пскова. *Caurus*. 2024. Т. 3. № 3. С. 87–98. DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-87-98

For citation:

Salmina E. V., Salmin S. A. The Estate of the “Lnyanik” (Flax Handler): Archaeological Research of the Flax Processing Complex of the 16th-17th Centuries in the Petrovsky End of Pskov. *Caurus*. 2024. Vol. 3(3). P. 87–98. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-87-98